

Елена Сазанович, ▲

КОРОТКО И ЯСНО

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЭССЕ

Коротко и ясно. Не важно, кто придумал это устойчивое выражение. Не мы с вами - это точно. Оно было придумано давно. Наверное, тогда, когда все действительно могло быть и коротко, и ясно. И небо. И земля. И солнце, под которым разрешалось жить всем. Но не теперь. Теперь кажется это было придумано для будущего. Именно для того, чтобы сказать: не все коротко

и не все ясно. Как не коротка наша Земля и жизнь на ней. Как не ясна наша Земля и жизнь на ней.

И всё же... Такая ясная и короткая ситуация. Просто локальная война на одной родине. Кстати, в том числе - нашей Родине. Между одним, фактически одним народом. Даже почти братьями. А, может быть, и не почти. Вот и

ГЛАВРЕДНАЯ КОЛОНКА ▲

всё. Проще и не бывает. Локальная война. Как в Сербии, как в Ливии, как в Ираке...

А вот в Японии, этой слишком продвинутой стране, чтобы сделать что-то глобальное - поначалу делают макет этого глобального. Искусственный. Чтобы не ошибиться. Чтобы через малое увидеть большое. И они видят. Не уверена, существует ли до сих пор эта практика. В любом случае, она всегда срабатывала. И теперь поначалу надо было бы сделать. Именно макет. Маленький искусственный макет огромной безвозвратной войны. Что ж. Иногда и Япония пригождается.

Это действительно макет. Макет Третьей мировой. Впрочем, она уже идет. Просто вслух об этом не говорят. Так, между прочим, война на Украине. Конечно, конечно, нет. Это Третья мировая. Или ее макет. Впрочем, уже не важно.... Это война не между... Это война Америки против России. Кстати, это еще прошлая война. Мировая война фашистов с целым миром. Как угодно можно назвать эту войну. Но имя ей одно. Мировая. Война. Война за правду или наоборот за ложь. За добро или наоборот за зло. Это война между Богом и дьяволом. Как и все войны. И всё же... Это особенная. Может быть, потому, что конечная. И нам решать - быть или не быть. На этой войне.

Мы приближаемся к элементарной логике. Чтобы победило зло - нужно уничтожить добро. Чтобы победило добро - нужно уничтожить зло. И Ленин, великий Ленин, нет, он не ошибался на счет мирного существования. Оно возможно. Единственно - не навсегда. Все равно и ночь когда-нибудь победит день. Или день когда-нибудь победит ночь. И жизнь побеждает смерть. И смерть неотвратимо побеждает жизнь. Им не договориться... И война между ними неизбежна. Уж слишком они разные. И вряд ли договориться смогут.

А может и поэтому еще крутится наша планета? Что просто нет договора? Хотя так хочется, чтобы Земля крутилась в нужную, обычную сторону. Авангард тут ни причем. Авангард - это антилогика. И почти гибель. «И все таки она вертится...» - прошептал когда-то Галилео Галилей. Когда его уже якобы оправдали.

Впрочем, добрым силам оправдания, как получается, нет. Но они должны, обязаны, отличаться. Главное - это отличие увидеть. Принять. И дать принять нашим детям. Даже, если это погибельно. Но выхода иного нет. Ведь она должна вертеться! Даже во время войны... «Да не соблазнятся они тем, что иногда путь беззаконных безуспешен в сем мире!..»

«- А мы замочили.

- Кого?

- Детей.

- Счастье, сколько еще будет смертей!

- Здорово, уже ублюдки и не рождаются.

- И даже не воскресаются!

- Сколько их было?

- Всего (всего!) трое.

- Всего... А мамаша...

- А это уже не проблема. Наша.

- Жива...

...Но уже не родится.

И точно не воскресится.

Чтобы мстить.

И некому отомстить...

Знаешь, мы еще подумаем...

Могут вдруг отомстить другие.

Впрочем, мы знаем, что это нельзя.

Особенно, если - семья...

А горе все же (и они это знают), горе - это одиночка. Может мир плакать. Но горе - это одиночка. И всегда мы один на один. С горем. Даже если плачет весь мир. И пусть каждый подумает, что может и его ждет горе. И неизбежно - один

на один. Вдруг тогда кто-то что-то поймет? Горе - слишком одиночное понятие. И вдруг просто проще его не допускать? К себе? Даже если весь мир этого хочет. Уже. Что ж, этот страшный мир тоже ждет горе. Как бы они не выставлялись. Что ж. Их горе тоже будет - один на один. И очень, очень скоро они этого дождутся. Потому что правда независима от них. Она сама по себе. И, как им не удивительно, она все же есть... Но правда никогда не будет убивать их детей. Их матерей и отцов. Правда никогда не будет убивать ни стариков, ни больных. Правда должны всё же отличаться от зла. И она отличается. И да будет так! Иначе грань между добром и злом будет бессмысленна.

А вы, убийцы мирных жителей, детей, женщин и стариков, с этим живите!.. Ваш дьявол требует слишком много жертв... Поэтому вас просто жаль... И вас в очередной раз (как показывает история) просто надувают. И вы просто на это ведётесь. Но все же есть Бог. И он нам в помощь!

А скоро наступит весна. Но многие дети никогда уже с ней не встретятся. С пьянящим запахом почек. С пьянящим светом солнца. С котами, дремлющими на подоконниках. С птицами, чирикающими на своем языке. Почти детском. С пьянящей и такой многолюдной жизнью. Никогда - страшное слово. Многие дети никогда не увидят лета. Такого яркого и такого желтого, которое можно нарисовать карандашами. И осень. Немного печальную. Но ведь можно дождаться школы. И не любить ее. И ждать ее. Чтобы опять не полюбить. И зимы. Ведь тогда сосульки сползают с деревьев. И под светящейся елкой стоит Новый год. И даже подарки под елкой... Они уже этого никогда не увидят. Впрочем, они их и не видели. И не знают, что это такое. Потому что их просто убили.

Но те, кто стреляют - не думают. Ни про лето в детском альбоме. Ни про зиму под елкой. Они знают куда, где и кого стрелять. Они стреляют в лето, осень, зиму, весну и вновь лето. Они стреляют в детство. И просто в жизнь. Интересно, как жизнь им может простить смерть?

Но они не думают об этом. У них просто нет жизни. Давно...

А мы сделаем передышку нашим мыслям. И дадим возможность подумать Богу. Вдруг хотя бы он придет к правильному решению?..

А мы будем? Думать? Наверное, всегда. Чтобы не рождались подонки. Мы будем думать еще только потому, чтобы они не рождались. А только умирали. Особенно пока их дьявол еще думает...

Они не умрут? Не знаю. Их дьявол еще жив. Но пусть они подумают, почему жив. И мне их даже жалко...

Кого мы жалеем? Тех, кто на нас не похож. Иначе всё не имеет смысла.

А в чем смысл? Быть не похожим. И мы поэтому выживем.

Да, выживем... Ведь Бог еще и еще раз подумает... Надеюсь, он будет думать недолго...

Ведь еще есть Ваня. И он тоже обязательно выживет. Есть уже кого опасаться этим подонкам. Сильно опасаться. Сильно опасаться Вани. Ведь он уже выжил... Без рук, без ног. И пока без зрения. Но он уже видит вас. И больше всего бойтесь его. Потому что мы видим то, что вы никогда не увидите. И мы помним то, что вы и не вспомните. У нас есть друзья, а у вас нет. За нами - целый мир, а у вас - лишь могила. Жаль, но и могилы для вас не будет. Подонков не помнят.

А еще - мы есть, потому что вы есть. И мне уже просто вас жаль... Потому что подонков - не помнят...

«О чем молить Тебя, чего просить у Тебя? Ты ведь все видишь, знаешь, сама посмотри мне в душу и дай ей то, что нужно...»

В нашу душу обязательно посмотрят. И нам дадут то, что нужно. А нам нужно не так уж и много. Нам просто нужна правда. А это и есть душа. И мы спасемся. Просто пусть кто-то за нас поставит свечку. Ваня или кто-то еще. Просто пусть поставит свечку. И мы спасемся... Обязательно... А Ваня, мы знаем, свечку поставит. И тогда всё станет коротко и ясно... И тогда... ▲